

КОСТРОМСКІЕ ДѢСА.

РУССКАЯ БЫЛЬ ВЪ 2-хъ ДѢЙСТВІАХЪ.

ПОСВЯЩЕНО

ЖИТЕЛЯМЪ КОСТРОМЫ, ЗЕМЛЯКАМЪ СУСАНИНА.

Соч. Н. А. Полеваго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА.

Иванъ Сусанинъ, крестьянинъ.
Антонида, дочь его.
Богданъ Собининъ, мужъ ея.
Гавриил, сирота.
Пафутій, староста.
Соломонида, жсна его.
Томило Таругинъ, провзжій крестьянинъ.

Павъ Пгшездецкій, Польскій капитанъ.
Павъ Хорунжій.
Царскій воевода.
Польскіе }
Русскіе } воины.
Крестьяне и Крестьянки.

Дѣйствіе въ окрестностяхъ Костромы, зимою 1613 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность большой и опрятной Русской избы, гдѣ все готово къ празднику. Столъ накрытъ скатертью; на немъ хлѣбъ-соль, братины, и пр. Прямо и направо двери. Толпа крестьянокъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

СОЛОМОНИДА И АНТОНИДА, *убираютъ избу.*

СОЛОМОНИДА.

Да ужъ нечего толковать—слушайте стараго, да бывалаго! Будто мнѣ въ первый распорядиться, какъ гостей принимать.

АНТОНИДА.

СОЛОМОНИДА Пафутьевна!

СОЛОМОНИДА.

Да да, я ужъ который десятокъ лѣтъ Соломонида Пафутьевна, а муженекъ, который Господь наградила меня, Пафутій Тарасичъ. Путаница такая: ни весь мужъ, ни весь отецъ, иной подумаетъ. Бывало, кличешь *Пафнутья*, анъ вмѣсто одного откликнется двое, такъ ужъ бывало....

Кн. XI. — 1

АНТОНИДА.

Я хотѣла сказать тебѣ....

СОЛОМОНИДА.

Толкуй себѣ, знай, коли не знаютъ другіе. Слава те Господи! Насъ добрые люди не обходятъ. Ужъ свадьбу ли сладить, крестить ли кого, хоронить ли кого, помирить ли кого, — хоть бы поссорить ли кого — вездѣ Соломонида, да и только!

АНТОНИДА.

Видишь, Соломонида Пафнутьевна.

СОЛОМОНИДА, *нѣ слушал.*

Именины, крестины, родины, похороны, поминки, игры и затѣи, печаль и горе — все наше! Бывало, сказку ли сказать, пѣсню ли спѣть — да теперь голосу-то нѣтъ, а то, бывало, Соломонида въ хороводъ первая — пойду себѣ соколомъ, запою соловьемъ... Здуниной дуниной!... На поди!

АНТОНИДА *махнувъ рукой.*

Съ ней не сладишь!

СОЛОМОНИДА.

Вотъ и наемди: у сосѣдки, у Попихи, курица пѣтухомъ запѣла...

АНТОНИДА.

Охъ! не къ добру, говорятъ!

СОЛОМОНИДА.

Не къ добру, не къ добру! Все добро, а не худо, какъ распорядишься дѣломъ. У сосѣда Филимона вчера пѣтухъ яйцо снесъ съ крючкомъ, а на крышѣ у сосѣда Пахома ворона каркала.

АНТОНИДА.

Охъ! не хорошо!

СОЛОМОНИДА.

Охъ, да охъ! Помилуй, мать родимая! Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ — коли умень будешь, такъ свинья не съестъ. На то челоуѣку разумъ данъ. Вѣдь есть пословица: Богу молись, а самъ не плошай.... Чго тутъ дивоваться-то? Курицу-то Филимону я велѣла вертѣть черезъ голову отъ печи до порога, да на порогъ голову ей отрубить. Ну, Пахомова-то пѣтуха водой съ солью sprysнуть; яйцо-то разбила — пропадай оно! А ворона-то...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И СОБНИННЪ.

СОБНИННЪ.

Ну что, Антонидушка, готово ли у тебѣ все къ приему нашего дорогаго гостя?

АНТОНИДА.

Кажись все. Да вѣдь онъ не взыщеть, еслабы что и не такъ было.

СОБНИННЪ.

Ну, мнѣ не хочется передъ нимъ лицомъ въ грязь ударить новымъ моимъ хозяйствомъ. Вѣдь онъ насъ сегодня посетитъ въ первый еще разъ...

СОЛОМОНИДА.

И вѣстимо, для экого дорогаго гостя, что есть въ печи, то все на столъ мечи — принимай, угощай, радуйся...

СОБНИННЪ.

Признаюсь: Иванъ Ивановичъ, родитель твой, мой второй отецъ. Сиротой взялъ онъ меня, вспоилъ, вскормилъ, какъ роднаго сына, и потомъ благословилъ за меня мою милую Антонидушку; домъ намъ выстроилъ, хозяйствомъ насъ наградилъ, и приданымъ и отцовскимъ благословеніемъ. Какъ не порадовать его на старости нашимъ счастьемъ, да согласіемъ?

СОЛОМОНИДА.

Да, вѣдь ужъ и ты ему работалъ, какъ добрый быкъ... сынъ бишь, хотѣла сказать!

СОБНИННЪ.

Эхъ! Соломонида Пафнутьевна, что моя работа! Мало ли есть людей лучше меня, да какъ не найдетъ себѣ такого благодѣтеля, такъ вѣкъ бобылемъ горемыкой скитается.

СОЛОМОНИДА.

Будто ужъ на свѣтѣ добрые люди перевелись!

СОБНИННЪ.

Не перевелись, а говорятъ, пинъ рѣже стали.

СОЛОМОНИДА.

Да вѣдь и молодежь-то нынѣ такова ли? Вотъ, хоть бы мой племянникъ Филошка. Вѣдь какъ думаешь? Чѣмъ бы дома остаться, да работать, охота взяла въ царскую службу идти — пошелъ, да и воротился калѣжкой.

совининъ.

Ну, за то его бранить не годится. Кто изъ насъ не пошелъ бы въ царскую службу, когда Царю Государю, да отечеству люди были надобны?... Я самъ тогда просился у Ивана Ивановича:» Отпусти меня, родной, подрагаться съ врагами!»

соломонида.

Да, кабы ты воротился безъ руки, либо безъ ноги!

антонида, обнимая мужа.

Я любила бы его такъ же, какъ теперь. Больше-то любить я ужъ не умѣю!

соломонида.

Оно такъ, ужъ на чтобы пошло, пришли бы сюда проклятые эти сорванцы, такъ ужъ и наша сестра, баба, на руку охулки не положила бы, расплатилась бы съ бурсурманами проклятыми! Вѣдь на своемъ пепелищѣ и курица бьетъ!

совининъ.

А соколу ли усидѣть на мѣстѣ, коли на гнѣздо его воронѣ налетѣло? Ну, да, слава Богу, что такія горькія времена прошли, и Русское царство наше дожило до того, что отъ враговъ на святой Руси только кости остались, да бродягъ еще кое-гдѣ голодныхъ шайки разбойниковъ, которыхъ будущій Царь нашъ, какъ соръ метлой изъ избы вымететь.

соломонида.

Ахъ! Господи! Ужъ и видно, кормилецъ, что ты вскормленникъ Сусанина: чуть заговоришь о Русскомъ царствѣ, да о врагахъ его, такъ ужъ такъ-то красно, словно Сусанинъ...

совининъ.

Да, когда онъ заговоритъ о сердечной зазубѣ своей, такъ есть чего послушать. Какъ Господу не благословлять его за то, что онъ ради общей пользы дѣлалъ? Не жалѣлъ головы, когда съ молоду бился въ рядахъ Русскаго воинства, не жалѣлъ потомъ добра своего, какъ рѣчь шла о пособіи православному войску! И ужъ еслибы не старость, да не сиротство дочерей, не усидѣть бы ему на мѣстѣ и теперь! Такъ коли не могъ онъ пойдти въ дружины Кузьмы Мишча, да

князя Димитрія Михайловича, такъ молился за нихъ, а молитву праведника слышитъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, плафнутій и крестьяне.

совининъ.

Добро пожаловать, дорогіе гости! Благодаримъ, что не презрили нашимъ угломъ, пожаловали на наше веселье, раздѣлить хлѣбъ-соль, что Богъ послалъ.

плафнутій, кланяясь.

Челомъ бьемъ. Какъ отъ хлѣба-соли отказываться!

крестьяне.

Здравія хозяину съ хозяйошкой!

плафнутій.

Вотъ вамъ, всякій чѣмъ можеть, челомъ бьемъ на новоселье. Дай вамъ Богъ вслѣга добра, а лиха бы вамъ не было.

соломонида.

Да, дѣтокъ вамъ побольше дай Богъ, вспоить, вскормить, великими вырастить, подъ златъ вѣнецъ поставить, а намъ на свадьбѣ у нихъ пировать.

(Крестьяне отдають Совинину разные подарки, холстинку, полотенцы, хлѣбъ-соль и прочее.)

совининъ.

Благодаримъ благодаримъ добрые люди, на вашемъ хлѣбъ-соли, да на добромъ желаньи, милости прошаемъ содѣяться, да не изысцать, что избенка плоха.

плафнутій.

Нѣтъ! грѣшно пожаловаться: избенка у васъ така, что счастьемъ да радости въ ней приютъ найдется.

соломонида.

Что объ избѣ толковать: не красна изба углами, красна пирогами.

совининъ.

Для друга пирогъ всегда у насъ сыщется, и убогому краюха хлѣба найдется, по милости благодѣтеля нашего, моего втораго отца.

пафнутій

А что, вѣдь онъ у васъ, чай, сегодня
будеть?

соломонида.

Охъ! ты, борода безтолковая! Этому гостю да не быть бы на новосельи у зятя, да у родной дочери!

пафнутій.

Вѣстимо, да вѣдь я такъ, видишь, спрашивалъ.

собининъ.

Будеть, будетъ. Его погода не задержитъ, и далеко ли?

пафнутій.

Вѣстимо: для друга и семь верстъ не околица.

ЯВЛЕНІЕ IV.

тѣ же и гаврюша.

гаврюша, *въбѣгаетъ.*

Дѣдушка, дѣдушка пріѣхалъ!

собининъ.

Ахъ! добрый гость! Антонидушка, православные! встрѣтишь его съ почестью, нашего отца и благодѣтеля.

Всѣ становятся порядкомъ. Собининъ и Антонида у дверей съ Гаврюшей.

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣ же и сусанинъ.

сусанинъ, *входитъ.*

Дому сему миръ и благословеніе!

собининъ.

Благодѣтелю и отцу нашему пріѣтъ и радость! Благодаримъ, что пожаловалъ.

крестьяне и крестьянки.

Добро пожаловать, добро пожаловать!
(*кланяются.*)

сусанинъ.

Спасибо за доброе слово, православные. Хозяинъ съ хозяйкой, здравствуйте! Дай вамъ Богъ жить хорошо, да весело, съ благословеньемъ Божьимъ, а вотъ мы вамъ

бьемъ челомъ, что Богъ послалъ! Живите въ любви, да въ дружбѣ, и насъ на старости радуйте.

собининъ и антонида.

Благодаримъ, батюшка родимый!

сусанинъ.

Ну, теперь дайте обнять себя, да полюбоваться на вѣсъ, моихъ ненаглядныхъ! Здорово-те, православные! Пафнутій Тарасичъ, Федоръ Федорычъ!

пафнутій.

Рады, милости твоей! Каково живешь?

сусанинъ, *садится.*

Слава-те Господи! Садитесь-ко, добрые люди; вѣдь мы не у чужихъ въ гостяхъ — свои люди! Садитесь. Экая дорога! Всю перемело въ прошедшую ночь, да, кажись, и опять выюга начинается. Хорошо, что мы въ тепломъ углу — каково-то теперь бѣднякамъ, кто въ полъ! Соломонида Пафнутьевна, здорово! Что это? Аль ты обѣтъ молчанія дала? Тебя что-то и не слышно!

соломонида.

Да, вотъ, люблюсь, кормилецъ, на тебя, да и хозяйкѣ пособить надо угощать дорогихъ гостей.

сусанинъ.

Разумѣется, безъ тебя, какъ тѣлегъ безъ пятого колеса, дѣлу не обойдтись. Если не пособишь, такъ хоть поговоришь, анъ все-таки легче.

пафнутій.

Да у моей старухи, неча сказать, язычекъ на мѣстѣ привѣшенъ — что твой колокольчикъ!

соломонида.

Такъ что же? Вѣстимо, на то Господь и языкъ чловѣку далъ, чтобы говорить, на то онъ и безъ костей, чтобы хорошенько гнулся. Вотъ, употреблять его на клевету, да на пагубу людскую не годится, а со вранья вѣдь пошляинъ не берутъ.

сусанинъ.

Жаль, а то бы царская казна куда скоро обогатилась! Ну, а вѣдь есть же такая глупая пословица...

соломонида.

Какая, родимый?

СУСАННИЦЪ.

А такал, что Богъ челоуѣку будго даль два уха, а языкъ одинъ; такъ что эго значить?

СОЛОМОНИДА.

А Господь вѣдаетъ!

СУСАНИНЪ.

По старому позѣрю, такъ значить: меньше говори, а больше слушай.

(Всѣ смѣются).

СОЛОМОНИДА.

Было бы что слушать! Хорошо вотъ, какъ ты заговоришь, а то вонъ у моего муженька—молчить, такъ думаешь, что не говорить, а заговорить, такъ просишь, что бы поскорѣ замолчалъ опять.

ПАФНУТИЙ.

Э! старуха! Вѣдь ты и за себя и за меня говоришь—довольно съ насъ обоихъ! Такіе ужъ у насъ съ тобой запорядки.

СУСАНИНЪ, *смыльсь.*

А на что же ты соръ изъ избы выносишь? Что дома дѣлается, а томъ одинъ уголь другому говорить не долженъ.

СОБИНИНЪ, *съ гарками.*

Милости просимъ, родимый, и васъ, православные, пресимъ выкушать на здоровье!

СУСАНИЦЪ.

Давай, давай добрый хозяинъ! Живите счастливо!

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Дай Богъ на много лѣтъ! *(пѣютъ).*

ПАФНУТИЙ.

Охъ! Да что ты подала намъ, Антонина Ивановна? Экаго омегу! Аль добраго вина гостямъ пожалѣла? Ни съ чѣмъ не сравнительно горько!

СОЛОМОНИДА.

Ну, такъ надо подсластить! Что вы стали? Экіе не расторопные угощать—то! Молодой пародъ.

(Собининъ цѣлуетъ жену).

ПАФНУТИЙ.

А, ну, вотъ теперь другое дѣло—слаще, слаще стало! Хе, хе, хе! еще слаще! Испогать!

СОЛОМОНИДА.

А ужъ имъ-то, чай, цѣловаться, куда тебѣ противно, что нищему гривна!

(Всѣ смѣются.)

СУСАНИНЪ.

Вѣстимо, родная! Пока молодъ, такъ вѣдь въ то время и жить полнымъ сердцемъ, цѣловаться и миловаться.

СОЛОМОНИДА.

Ну, вотъ теперь, дѣвки, и пѣсню запѣть можно. Начинайте-ка! Во славу Царю Государю, да хлѣбу-соли!

СУСАНИНЪ, *угрюмо.*

Хлѣбу-соли такъ, а Царю пѣсеи не пойте.

СОЛОМОНИДА.

Чтожь такъ, родимый?

СУСАНИНЪ.

А то, что у насъ теперь въ Русскомъ царствѣ еще время горькое, безгосударное. Хоть Господь и привелъ насъ видѣть матушку-Москву, царскую столицу, отъ враговъ свободную, но Царя православнаго еще у насъ нѣтъ. Будемъ молиться Богу, да ниспошлетъ онъ намъ Царя достойнаго, а до тѣхъ поръ, пока вдовствуетъ Русская земля—нѣтъ Рускимъ пѣсни о Царѣ православномъ—молитва, да слезы!

СОЛОМОНИДА.

И! ты все горюешь, да горюешь, родимый!

СУСАНИЦЪ.

За то послѣ порадуемся. Да что о томъ толковать, Соломонида Пафнуетевна... Пойте-ка пѣсню веселую, дѣвушки! Не такой сегодня день, чтобы печалиться. Не знаю самъ отъ чего, я такъ сегодня веселъ! Не отъ того ли, что видѣлъ я сонъ, да такой-то чудный!

КРЕСТЬЯНЕ.

Разскажи, разскажи, родимый!

СУСАНИНЪ.

Есть различіе въ снахъ: одни, такъ, пустыя грезы ночныя—мерещатся съ дуру, ая еще и отъ окаяннаго наволятся *(плетъ)*, а другіе сны Богъ намъ посылаетъ. Такой сонъ западаетъ въ душу. И мой запалъ сюда—глубоко запалъ! Вижу я, будто по небу летитъ молодой орленокъ, а за нимъ гонится, ястребъ не ястребъ, коршунъ не коршунъ—птица превеликая хищная—близко налетаетъ, машетъ крыльями... Какъ порхнетъ молодой Орелъ-Орловчъ, да прямо ко мнѣ, право не лгу! Горько мнѣ стало,

что птенца такой царской птицы хищный коршунъ побиваетъ, кинулся я на встрѣчу ему, заслонилъ собой Орла-Орловича, бросилась на меня птица хищная, ударила клювомъ желѣзнымъ сюда, въ сердце, и повалился я, какъ овсяный снопокъ; закатились очи ясные, подломились ноги скорыя, паль я безчувственный...

антонида.

Ахъ! родимый!

сусанинъ.

Чего ты боишься? Знаешь ли что я видѣлъ потомъ? Открылъ глаза — смотрю: стая орловъ слетѣлась на поднебесьи, учали рвать, щипать птицу хищную — только перья летятъ отъ нея, вопить она голосомъ необычнымъ, а подо мной свѣтлое облако—гласы ангельскіе! Молодой орелъ, съ короною царскою на головѣ, подымается на могучихъ крыльяхъ и говоритъ мнѣ человѣческимъ голосомъ: «Спасибо тебѣ, Сусанинъ! Сослужилъ ты мнѣ службу—*выгналъ память тебѣ, Сусанинъ!*» И... и... но что доказывать? Довольно, что я проснулся, и такъ душа моя радостью исполнилась... (*Антонида плачетъ*). Что ты плачешь, Антонида?

антонида.

Ахъ! родимый! Что предвѣщаетъ твой сонъ?

сусанинъ.

А можетъ быть... (*шутя*) Да, вотъ лучше растолкуетъ его намъ Соломонида Панутьевна...

соломонида, подгорюясь.

Богъ вѣсть, кормилецъ—тутъ и ума не приложишь!... (*слышенъ стукъ подъ окномъ*) Ахти! Ахъ! Кто это?

сусанинъ.

Чего вы боитесь? Вѣдь теперь не полночь на Ивановъ день!

панутій, испугавшись.

Охъ! есть такіе гости, что хуже окаинаго!

сусанинъ.

Не то время имъ теперь — ихъ теперь и слыхомъ не слышать.... (*подходитъ къ окну*) Кто тутъ?

томило, за кулисами.

Пустите переночевать, люди добрые. Мы проѣзжіе, сбились съ дороги.

сусанинъ

Слышите? Вотъ вамъ Богъ посылаетъ неожиданныхъ гостей, хозяинъ съ хозяйкой! Доброе новоселье—бѣгите, зовите ихъ! (*смотря въ окно*) Экая вьюга — зги не видать! (*Собининъ уходитъ*) Добро тому, кому Богъ даетъ случай отогрѣть, да накормитъ своего ближняго!

ЯВЛЕНИЕ VI.

тѣ же, собининъ и томило.

собининъ.

Добро пожаловать дѣдушка! Здѣсь отогрѣешься. Лошадкамъ зададимъ овсеца, а ты садись и отдохни.

томило.

Помоги Богъ, добрые люди!

сусанинъ.

Здравствуй, добрый человекъ. Милости просимъ!

томило.

Али ты хозяинъ, родимый?

сусанинъ.

Нѣтъ! Вотъ хозяинъ, а я ему, такъ, не чужой. Садись-ко къ печкѣ, отогрѣвайся. Мы собрались пировать новоселье, а неожиданный гость на такомъ пирѣ милость Божья.

томило.

Ну, спасибо вамъ, добрые люди; поздравляю васъ на новосельи, а ужъ я думалъ было что запропаду — такая кура, невзгодица—Господи упаси!

сусанинъ.

Смѣть ли спросить, откуда и куда тебя Богъ несетъ?

томило.

Издалека, родимый, изъ Заволочья; ѣдемъ за нуждою въ Нижній, по торговымъ дѣламъ.

сусанинъ.

Ну, лай Богъ часъ добрый! А позволь спросить еще, добрый человекъ, не близъ

ко ли къ вамъ въ Заволочьи Егорьевской погость, что въ Обонежской пятинѣ?

томило.

Очень близко; я самъ изъ Егорьевскаго погоста, изъ Толвуйской волости.

сусанинъ.

Изъ Толвуйской волости! Охъ! родимый, будь такъ добръ и ласковъ — скажи, не знаешь ли ты тамъ одного старика, жителя деревни Тарутиной?

томило.

Тарутиной? Какого старика? Можетъ, знаю.

сусанинъ.

Зовутъ его Томило Тарутинъ, не знаю, какъ по батюшкѣ.

томило.

На что же тебѣ Томило, родимый?

сусанинъ.

Я хотѣлъ только узнать: здравствуетъ ли еще этотъ почтенный старецъ? Благополучно ли онъ живетъ? Хотѣлъ бы я еще попросить тебя, если Господь приведетъ тебя возвратиться на родину, сказать ему отъ меня низкій поклонъ, сказать... На что ему знать мое имя!... Такъ сказать, что одинъ-дескоть Костромской старикъ велѣлъ тебѣ кланяться, и говорилъ, что онъ всякій день поминаетъ о тебѣ въ молитвѣ!

томило, *оглядывая Сусанина.*

Развѣ ты знавалъ его когда нибудь?

сусанинъ.

Никогда мы съ нимъ не встрѣчались, но его имя записано тамъ — у Бога, а здѣсь, кто изъ насъ не знаетъ, друзья мои, имени Томила Тарутина?

всь.

Всѣ знаемъ, всѣ знаемъ!

томило.

Простите, люди добрые, а, право, все еще я не вѣдаю и не придумаю, почему вы знаете Томила Тарутина? Человѣкъ, кажется, онъ простой, и въ здѣшней сторонѣ никогда не бывалъ... Еслибы что, такъ есть присловіе: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ... А объ немъ неужели у васъ худая слава?

сусанинъ.

Лежитъ добрая слава, когда кто нибудь хочеть пустить ее о себѣ мыкаться по бѣлому свѣту, но не скрывается она, если не думаешь объ ней дѣлая добро... Знаешь ли ты, въ чьей ты теперь деревнѣ?...

томило.

Не вѣдаю.

сусанинъ.

Эта вотчина выселокъ изъ села Домнино, помѣстья Филарета Никитича Романова.

томило.

Романова!

сусанинъ.

Да, а вотъ когда было гоненье на Романовыхъ отъ Бориса Годунова — прости ему Господи! — когда онъ сослалъ добраго боярина нашего въ Сійскую обитель, а боярыню его заключилъ въ Заонезскихъ лѣсахъ, когда всѣ отступились отъ нихъ, и знаемые и родные, въ грусти и горѣ утѣшалъ ее Томило Тарутинъ, простой мужичокъ, да съ боярскимъ сердцемъ. Онъ приносилъ ей вѣсти о супругѣ ея и миломъ сынѣ ея Михаилѣ Феодоровичѣ, подкупая жестокосердную стражу, не жалѣя головы своей, не боясь Борисовыхъ лазутчиковъ, дѣлилъ съ ней послѣднюю деньгу свою, когда боярыню нашу нуждою и голодомъ изнуряли Борисовы прпставы... ()! благо будетъ ему на небеси — велико благословеніе за отраду боярыни нашей! А намъ послѣ этого не знать Томилы? Да, не попусти Богъ! Вѣдомо честное имя его въ нашей сторонѣ, знаемъ мы его.

всь.

Знаемъ, знаемъ!

гаврюша.

Вотъ ужъ и мнѣ дѣдушка сколько разъ сказывалъ о Томилѣ — выросу большой, повѣду поклониться ему... Что это, дѣдушка? Смотри-ка: гость-то нашъ плачетъ.

томило.

Плачу отъ радости. Ожидалъ ли я, думалъ ли? Добрые люди! Добрый человѣкъ! знаешь ли ты?... Не далеко тебѣ ѣхать, дитя мое... Братъ! вѣдь я самъ Томило Тарутинъ?

всь.

Ты? Таругинъ?

(погнѣтельно тѣпсился къ нему).

сусанинъ, радостно.

Дѣти! Богъ благословляетъ ваше новоселье такимъ гостемъ, такимъ дорогимъ гостемъ... Кормилецъ, родимый! смѣть ли обнять тебя? Али ударить челомя... Позволь...

томило.

Нѣтъ, нѣтъ! обними, обними меня!

сусанинъ.

Благодарю Бога! То-то мнѣ сегодня что-то такъ было весело — вотъ передъ тобой только говорилъ я имъ... Дѣти! здоровье Томилы Таругина! Давайте, давайте, что у васъ есть лучшаго, хорошаго, дорогаго — и сердце, и братину меду и привѣтъ ласковый!

собиинъ, кланяясь съ женою.

Спасибо тебѣ, дорогой гость, что ты пожаловалъ къ намъ! Дай мнѣ поцѣловать твою руку, которою подавалъ ты помощь доброй боярынь нашей!

томило.

Нѣтъ! лучше обними меня! Не думалъ я, когда исполнялъ долгъ свой, что такъ награждать меня, что кто нибудь узнаетъ о моей некорыстной службѣшкѣ... Мать моя Марѳа Ивановна! Вотъ ужъ сколько лѣтъ я не слышу ничего объ ней, великой инокинь, и о сынѣ ея, юношѣ благородномъ... Живы ли они? Не погибли ль они въ плѣну Польскомъ!

сусанинъ.

Нѣтъ! и она и сынъ ея спасены милостью Божіею—они здѣсь!

томило.

Здѣсь? Гдѣ?

сусанинъ.

Вотъ, верстахъ въ трехъ отсюда, въ боярскомъ помѣстьи своемъ, селѣ Домнинѣ. Сохранилъ Господь и инокиню Марѳу Ивановну и дорогаго сына ея, на утѣху ея старости — и... кто повѣдаетъ судьбы Божьи, для чего еще, на что еще сохранилъ Господь главу драгоценнаго отрока, юнаго боярива нашего Михаила, нынѣ

уже юношу мудраго и доброзрачнаго — сохранилъ его и отъ замысловъ Бориса, и отъ злодѣйства Самозванцевъ, и въ Московскомъ плѣну, гдѣ враги наши вли другъ друга, а не коснулись Михаила свѣще благословеннаго!

томило.

Неисповѣдны судьбы Его! Они здѣсь, здѣсь — я пойду къ нимъ, я скажу имъ — она вспомнитъ меня, онъ, ограсль рода Анастасія, подаритъ меня привѣтомъ своимъ... О, благодарю тебя, Господи!

сусанинъ.

Отдохни, успокойся. Завтра я самъ провожу тебя въ Домнино, а теперь ты нашъ гость!

томило.

А объ архипастырѣ нашемъ, митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ, есть ли вѣсти, родимый?

сусанинъ.

Живъ—томится въ плѣну у вѣроломпаго Сигизмунда и молитъ Бога за святую Русь. Много можетъ молитва святаго мужа... Посмотри: кто бы ожидалъ, кто предрекъ годъ тому? Уже свободна вся Русская земля до самаго Смоленска, уже сіяетъ снова благодатью царская столица—изгнаны враги злочестивые, собрались въ Москвѣ Русскіе люди избрать себѣ Царя, по Божью благословенію! Гитѣдятся еще полчища вражескія въ Новгородѣ, скитаются еще голодные остатки измѣнниковъ по Русскимъ областямъ, но яко исчезаетъ дымъ, исчезнуть они по первому царскому слову, возмнутся, яко прахъ отъ лица земли... И кичливый врагъ, гремѣвшій грозою, до небезъ высившійся, низойдетъ до ада преисподняго! Придетъ стражникъ на то мѣсто, гдѣ высился онъ, спроситъ о немъ—и не обрѣтетъ и праха и слѣда его!

(Слышитъ громкій стукъ, крикъ и звукъ оружія подъ окномъ.)

соломонида.

Ахти! мои батюшки! Не еще ли гости?

собиинъ, глядя въ окно.

Что это? Войны какіе-то, всадники... Русскіе православные такъ невѣжливо проситься не будутъ.. Не ужели недобрые, незваные гости пожаловали?

всѣ.

Ахъ! сохрани, Господи!
сусанинъ.

Стой, стой—чего вы испугались? Откуда теперь возмутятся незваные гости... Можеть быть, отрядъ всадниковъ Русскихъ... Ну, гдѣ тутъ на морозъ толковать о вѣжливости... Притко постукиваютъ — подите, узнайте...

(Собининъ бѣжитъ вонъ).

соломонида.

Ахти, мои батюшки! Не къ добру что-то вѣщуетъ мое сердце!...

сусанинъ.

Ну, молчи, Соломонида Пафнутьевна! Что ты хнычешь? Чего бояться?

ЯВЛЕНИЕ VII.

тѣ же и собининъ.

собининъ, *вбѣгалъ.*

Братцы! худо — Поляки и измѣнники!
всѣ.

Ахъ! пропали наши головы!

соломонида.

Бабы, дѣвки! бѣгите, бѣгите! Ахти! бѣда — горе!

(Женщины бѣгутъ въ безпорядкѣ).

собининъ.

Что же? Поддаваться ли? Братцы! Имъ ли мы отладимся? Бѣгите, собирайтесь!

пафнутій.

Что ты затѣваешь, Богданъ? Куда намъ, мужичью, драться съ ними! Занаятъ они наши дома, разграбятъ добро!

собининъ.

Мы дадимъ вѣсть въ Кострому! Далеко ли?

пафнутій.

А до тѣхъ оръ останется одно пепелище.
(Крикъ и стукъ увеличиваются).

сусанинъ, *все время стоитъ задумавшись.*

Стой, стой! Куда вы? Хорошо, что бабы ушли, а вы, православные, стойте —

освѣдомьтесь, узнайте. Непрiятель! Откуда онъ взялся? Не можеть быть!

собининъ.

Я тебѣ говорю — какъ изъ земли родился! Примемъ его по свойски!

сусанинъ.

Нѣтъ! не губите себя напрасно... Надобно хорошенько узнать... Поди, встрѣчай ихъ... Если точно враги... противъ рожна прать не будешь... *(грозно)* Молчи! Не буянить! — Поди, отвори ворота! Я знаю, что говорю!

(Собининъ и крестьяне уходятъ. Сусанинъ стоитъ задумчиво).

антонида.

Ахъ! родимый! Что съ нами будетъ?

соломонида.

Что будетъ? Пропали наши головы ни за денежку! Вотъ тебѣ и новоселье, вотъ и пиръ отпировали! Да коего бѣса воеводы-то смотрять? Да что они, въ самомъ дѣлѣ — а еще разхвастались: Москву-де взяли! Побили, разбили непрiятеля, а вотъ они, вражьи дѣти, какъ сѣвѣгъ на голову!

сусанинъ, *задумчиво.*

Сонъ мой вѣщій! Не ты ли сбываешься? Что если злодѣи... Укрѣпи меня, Господи!

томило.

Охъ! когда-то переживемъ мы горькое время невзгоды на Русскую землю...

соломонида.

Да, если руки опустить, такъ никогда не переживемъ. Что мы въ самомъ дѣлѣ? Да примемъ-ка ихъ хорошенько — наше мѣсто свято! Да, мы, бабы, съ ухватами пойдемъ на нихъ! Гдѣ они злодѣи? Гдѣ они?... Ай, ай, ай!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

тѣ же и пафнутій.

пафнутій, *вбѣгалъ.*

Помогайте братцы! Ой! бьютъ, рѣжутъ!

антонида и соломонида.

Кто? Кого?

АНТОНИДА.

Гдѣ мой Богданъ?

ПАФНУТІЙ.

У нихъ въ рукахъ — грозятъ зарезать его!

АНТОНИДА.

Богданъ! (*лишается чувствъ*).СОЛОМОНИДА, *поддерживал*
ее.

Что ты надѣлалъ, окаянный? Убилъ вѣдь ты бабу-то!

ПАФНУТІЙ.

Да, я и самъ-то живъ ли, не знаю!

ЯВЛЕНИЕ IX.

тѣ же, хорунжіи и поляки, *входятъ съ шумомъ; двое изъ нихъ тащатъ собинина.*

ХОРУНЖІЙ.

А! бороды проклятыя! Не пускать храбрыхъ воиновъ — бери, ломай все! Побѣда! Это что за бабы? Ты кто, преподлый старичишка?

СОЛОМОНИДА.

Охъ! отцы родные! помилосердуйте!

СУСАНИНЪ, *ласково и низко кланяясь.*

Привѣтствуемъ васъ, почтенные гости, храбрые воины, милости просимъ!

ХОРУНЖІЙ, *приставляя къ груди его саблю.*

За чѣмъ не отпирали намъ такъ долго? Говори, а не то — сабля моя не давала промаху!

АНТОНИДА, *бросаясь къ нему.*

Ахъ! пощадите, пощадите! Возмите все!

ХОРУНЖІЙ.

Все-то мы и безъ того мы возьмемъ, а теперь... Эхъ! да какая пригожая! Цѣлуй меня въ задатокъ, такъ ужь, такъ и быть, помилю!

СОБИНИНЪ, *порывался къ нему.*

Какъ ты смѣешь?

ХОРУНЖІЙ.

Это что за негодяй? Руби ихъ всѣхъ!

СУСАНИНЪ.

Постойте, люди добрые, воины храбрые, стойте! Зачѣмъ же насъ рубить? Мы вашему посѣщенію рады — это моя дочь — чего ты, глупая, испугалась? Пошла, приготовляй гостямъ все, что у тебя есть попить, поѣсть! Пошла, скорѣй! Помогн ей, Соломонида Пафнутьевна!

АНТОНИДА.

Но, батюшка...

СУСАНИНЪ.

Что, батюшка? Не знаешь различить, кто сдѣлалъ тебѣ честь посѣщеніемъ... А этотъ малый — зять мой... Такъ, знаете, ваше почтеніе, какъ вы захотѣли приласкать жену его, оно и не понравилось ему!

ХОРУНЖІЙ.

Что ты мнѣ ласы-то подпускаешь! Всѣ вы злодѣи наши...

СУСАНИНЪ.

Что ты родимый!

ХОРУНЖІЙ.

Что у васъ тутъ за народъ такой былъ? Куда убѣжали?

СУСАНИНЪ.

Да собрались было мы, такъ себѣ, повеселиться...

ХОРУНЖІЙ.

Повеселиться! Какъ вы смѣете веселиться? Этакіе скоты! Мы зябнемъ, мерзнемъ, а они веселятся! Что у васъ тутъ? (*беретъ братину и пьетъ*) Медь! Экіе болваны! Они медь пьютъ — а мы чуть не замерзли... Давай пить, ѣсть — давай всего! (*стучитъ ногами*).

СУСАНИНЪ.

Все будетъ. — Вѣдь мы одного Царя служимъ... Владислава Сигизмундовича! (*тихо*) Прости мнѣ, Господи, неправду!ТОМИЛО И СОБИНИНЪ, *вмѣстѣ.*

Владислава!

ХОРУНЖІЙ.

Что? Что? Вы опять осмѣливаетесь бунтовать? Я васъ, бороды негодныя! Въ битое мясо искрошу!

СОЛОМОНИДА.

Помилуй, кормилецъ!

СОБИНИНЪ.

Пустите меня!

АНТОНИДА, *между отцомъ
и мужемъ.*

Ахъ! пощадите, пощадите!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И КАПИТАНЪ ОТРЯДА.

КАПИТАНЪ.

Что за шумъ? Что такое?

ХОРУНЖІЙ.

Вотъ, панъ ротмистръ, бунтовщики, злодѣи пресвѣтлѣйшаго царя и короля — сопротивляются, буянятъ!

СУСАНИНЪ.

Низко кланяемся, пану капитану. Совсѣмъ не буянимъ, а челомъ бьемъ, милости просимъ хлѣба-соли кушать, что Богъ послалъ. Да, вотъ, панъ офицеръ немножко сердится, а мы всѣ вѣрные подданные великаго царя Владислава Сигизмундовича. (*тихо Собинину*) Молчи!

КАПИТАНЪ.

Вы опять храбритесь не кстати, панъ хорунжій. Развѣ вы забыли мой приказъ: никого не оскорблять? Кто ты? Эго что у тебя за люди?

СУСАНИНЪ.

Да, это зять мой, а она дочь моя, а вотъ соседка, Соломонида Пафнутьевна, жена старосты...

СОЛОМОНИДА, *кланяясь.*

Такъ, батюшка, панъ капитанъ: я Соломонида Пафнутьевна.

КАПИТАНЪ.

А староста гдѣ?

СУСАНИНЪ.

Вотъ и староста.

КАПИТАНЪ.

А! ты староста?

ПАФНУТІЙ, *робко кланяясь.*

Оно... радъ... очень... кормилецъ!

КАПИТАНЪ, *смѣясь.*

Чтожь ты трусишь?

СУСАНИНЪ, *усмѣхаясь.*

Ну, да вотъ, какъ панъ офицеръ саблей-

то своей пугнулъ насъ, такъ оно, милостивецъ, знаете... и жутко немножко показалось...

КАПИТАНЪ, *указывая на
Собинина.*

Отпустите его. Сабли въ ножны! Никого не обижать! Не бойтесь, добрые люди, будьте только вѣрны и послушны. При малѣйшемъ подозрѣніи къ измѣнѣ — понимаете?

СУСАНИНЪ.

Кто думаетъ объ измѣнѣ! Мы, панъ господинъ, подданные Владислава Сигизмундовича...

ТОМИЛО, *въ сторону.*

Двуязычникъ! Окаланный! Чтѣ онъ говорить на старости!

СОБИНИНЪ, *тихо Сусанину.*

Тебя ли я слышу? Гдѣ у тебя совѣсть?

КАПИТАНЪ, *отводитъ Хорунжаго.*

Развѣ вы забыли важность нашего дѣла и опасность нашего положенія? (*разговариваютъ тихо*).

СОБИНИНЪ, *тихо Сусанину.*

Я пошлю въ Кострому! Самъ запалю деревню!

СУСАНИНЪ, *тихо.*

Молчи, безразсудная голова! Не смѣй пошевелиться!

КАПИТАНЪ.

Будьте спокойны. Слушай, старикъ: какая это деревня? Чья она?

СУСАНИНЪ.

Деревня наша выселокъ отъ села Домнина.

КАПИТАНЪ.

Домнина? А! такъ это помѣстье Романова?

СУСАНИНЪ.

Такъ, панъ, милостивый.

КАПИТАНЪ, *въ сторону.*

Добрались! (*Сусанину*) А далеко ли отсюда до села Домнина?

СУСАНИНЪ.

Да, по большой дорогѣ будетъ версть .. этакъ, съ десятокъ...

КАПИТАНЪ.

Десять версть! Хороша ли дорога?

сусанинъ.

Какія у насъ дороги! И лѣтомъ-то едва пробираемся, а теперь зимой всю снѣгомъ занесло.

капитанъ.

Чортъ побери!... Но какъ же вы...

сусанинъ.

Наше дѣло мужицкое: гдѣ намъ разбить дорогу—ѣдемъ себѣ, да и только! А впрочемъ, вогъ тутъ у насъ, прямо черезъ лѣсъ, есть прямая дорога... Только... врядъ ли вы черезъ нее выпутаетесь: такими извилинами...

капитанъ.

А далеко ли по ней до Домнина?

сусанинъ.

Да черезъ лѣсъ не болѣе, какъ версты двѣ...

сусанинъ, тихо.

Что онъ бредитъ? Какая тутъ черезъ лѣсъ дорога?

капитанъ, тихо хорунжю.

Намъ непременно надобно успѣть въ Домнино къ свѣту, прежде нежели Русскіе дадутъ знать... Вѣдь вы знаете?

хорунжій.

Чего мы не знаемъ!

капитанъ.

Говорите тише. Постарайтесь развѣдать у этого старика. Кажется, онъ мошенникъ и трусъ; общайте ему денегъ...

хорунжій.

Не лучше ли саблей постращать его?

капитанъ.

Спрячьте вы свою храбрую саблю! При малѣйшей тревогѣ мы можемъ погибнуть, или не успѣть въ нашемъ предпріятіи. Помните о наградѣ!

хорунжій.

Только бы выдали ее. Эге! давно ужъ не видимъ мы червончиковъ, какъ бывало прежде! То-то было времечко!

капитанъ.

Будутъ, будутъ они!

сусанинъ, тихо.

Злодѣи сговариваются. Помогите мнѣ Господи! вразуми меня.

капитанъ.

Слушай, старикъ: ты, кажется, человекъ

добрый и правдивый, преданный законному Царю русскому Владиславу Сигизмундовичу.

сусанинъ.

Вѣстимо, вѣдь мы ему прислали (тихо) неволею, окаянному! (громко) Мало ли что говорятъ намъ воеводы — будто и Москву они взяли...

капитанъ.

Ха, ха, ха! Какой вздоръ!

хорунжій.

Пока сабля есть у насъ при боку, такъ мы и понюхать имъ Москвы не дадимъ! Говорятъ, ужъ такъ мало теперь осталось и воеводъ, что у Русскихъ бродяга мясникъ какой-то сдѣлался воеводою — ха, ха, ха!

сусанинъ, тихо.

Благослови тебя Богъ, Кузьма Миничъ! хорунжій.

И подошелъ было, видишь, къ Москвѣ. Такъ нашъ гетманъ и стрѣлять по немъ не велѣлъ, а просто кулаками прогналъ всѣхъ Русскихъ мясниковъ и блинниковъ!

сусанинъ, тихо.

Комомъ пошелъ вамъ въ горло этотъ блинъ, злодѣямъ!

капитанъ.

Скажи, старикъ: есть въ Костромѣ войско?

сусанинъ.

Да, какое здѣсь войско? Тысячъ пять вооруженнаго народа, говорятъ есть!

капитанъ.

Пять тысячъ!

сусанинъ.

А вы куда, ваша милость, изволите теперь отправляться?

капитанъ.

Мы идемъ изъ Новгорода къ Москвѣ.

сусанинъ.

Къ Москвѣ? Дай Господь (тихо), чтобы кости ваши остались подъ здѣшними сугробами!

капитанъ.

Староста! пойдѣмъ со мною: ты разведешь моихъ солдатъ по квартирамъ. Мы отдохнемъ здѣсь. Г. Хорунжій! ваша квартира здѣсь — приготовьте бумаги. (тихо) Я поставлю караулъ, осмотрю все; вы переговорите съ этимъ старикомъ — я тотчасъ

возвращусь. Чего вы боитесь? (*громо*) Съ вами останутся пятеро солдатъ.

сусанинъ.

Милости просимъ, дорогіе гости! Угостимъ всѣмъ что есть, покажемъ... какъ Русскіе любятъ васъ — друзей своихъ!

капитанъ.

Показывай дорогу, староста!

(*Онъ и Пафнутій уходятъ*).

сусанинъ, солдатамъ.

Милости просимъ туда пожаловать, господа! Проводите гостей, хозяйка, Соломонида Пафнутьевна!

соломонида.

Пожалуйте, гости дорогіе! Покорно просимъ!

сусанинъ, въ слѣдъ имъ.

А сюда па столъ давайте кушать папу хоружему, да и винца, и пивца, и медку побольше!... Богданъ! ступай, торопись.. уведи съ собой и гостя нашего заѣзжаго...

томילו, урюлю.

Да, я хотѣлъ бы теперь же уѣхать дальше — не до ѣды мнѣ, видя, какъ ты стараешься угостить другихъ... Жаль — погода мѣшаетъ!

сусанинъ, притворю.

Да, погодка невзгодная, а ужь, что я самъ тебя не угощаю — извини: вотъ видишь, какой у меня гость почетный!

(*Собининъ и Томילו уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

сусанинъ и хорунжій, съ важностію разбираетъ бумаги и прыгаетъ ихъ опять.

хорунжій.

Ну! вотъ можно и намъ теперь отдохнуть!

(*Сусанинъ убираетъ столъ, ставитъ скамьи. Антонида и Соломонида приходятъ и уходятъ съ блюдами и сулями*).

сусанинъ.

Не угодно ли, панъ хорунжій, скинуть и положить свое оружіе?

хорунжій.

Какъ: скинуть и положить оружіе? (*струсивъ*) Ты хочешь напасть на меня безоружнаго? А?

сусанинъ.

И! какія у тебя мысли! Вѣдь ты, слава Богу, не въ разбѣйничьемъ притонѣ! Да и что толку сорвать твою башку? Однимъ удалцомъ меньше или больше не великъ барышъ, когда твои товарищи запалятъ нашу деревню за тебя... Пожалуй, сиди себѣ съ саблей и пистолями...

хорунжій.

Да, да, такой воинъ какъ я, съ саблей ходитъ, съ саблей сидитъ, съ саблей ѣсть и пьетъ, съ саблей спитъ — понимаешь?

сусанинъ.

Челомъ бью твоей саблей!

хорунжій.

Сабля ему мать, жена, дочь, хлѣбъ, честь...

сусанинъ.

Не угодно ли саблѣ твоей немножко поѣсть? Оно и теплѣе на душѣ и храбрѣе становишься.

хорунжій, садится за столъ.

Сабля моя питается — кровью враговъ! Поѣла эта дура мяса Турецкаго, и Шведскаго, и Русскаго... (*псть жадно и продолжаетъ говорить*).

сусанинъ.

Кто же не слыхалъ о вашей храбрости! Говорятъ, вы осаждали 16 мѣсяцовъ Троицкую лавру, гдѣ сотни двѣ иноковъ сражались съ вашими тысячами, и ужь чуть было не взяли...

хорунжій.

О! тамъ меня не было! Да, еще покрѣче бы выстроить имъ стѣны, такъ, пожалуй, и вѣкъ не возьмешь! И что дѣлали ваши защитники лавры! Больше молялись, чѣмъ сражались...

сусанинъ.

Да, у насъ есть повѣрье, будто молитва бываетъ сильнѣе всякаго оружія.

хорунжій.

Ха, ха, ха! Вотъ не отмолили же вы ни Смоленска, ни Москвы...

сусанинъ.

Богъ въдаетъ! Иногда, говорятъ у насъ, Онъ за грѣхи наказуетъ, а потомъ и помилуетъ!

хорунжій.

Ха, ха, ха! Какія глупыя повѣрья!

сусанинъ.

Да, очень глупыя, только съ ними долго и крѣпко жила наша Русь, и еще долго проживетъ, если имъ вѣрять станеть. *(тихо)* Я забываюсь! *(Хорунжему)* Что мы заговорили съ тобой, панъ хорунжій! Не угодно ли выпить?

хорунжій.

Ты сперва пей!

сусанинъ.

Ты боишься что въ меду зелье? Эхъ! панъ, панъ! не знаешь ты меня!

хорунжій.

Что такое?

сусанинъ.

Да, то, что ты все скрываешь про невзгоду, какая на васъ пришла.

хорунжій.

Какъ ты смѣешь, старичишка? Я тебя саблей!

сусанинъ.

Пожалуй! У меня оружія нѣтъ, хоть прежде и съ моей рукой бывала сабля дружна.

хорунжій.

Чтожь ты? На разбой хаживалъ?

сусанинъ, *добродушно.*

Не то что на разбой — ну, а знаешь, панъ, какъ вамъ было хорошо, и намъ было не худо... хе, хе, хе!

хорунжій.

О! борода! Да ты, видво, не олухъ!

сусанинъ.

Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ! Выпей-ка, панъ милостивый! Ну, и я съ тобой! Покушай!

хорунжій.

Нѣтъ! теперь лучше выпить! Давай еще! Славный медъ!

сусанинъ, *тихо.*

Онъ тебя уложить! *(ему)* Видяшь — житье наше некошное — заля насъ воеводы и бояре — промысла нѣтъ — поля скуды... плати подати, да кланяйся...

хорунжій.

Вотъ, а то ли дѣло у насъ — вольно! Смѣй-ка Король меня не послушать... Закричу: «не позволямъ!» О! стѣны задрожать... Иногда вѣдь иной на погахъ не стонетъ, и самъ не знаетъ о чемъ дѣло идетъ, а кричитъ: «не позволямъ!»

сусанинъ.

То-то хорошо у насъ и ведется! Нѣтъ! у насъ такъ такая глупая привычка: что велеть — дѣлай! Мы, видишь, увѣрены, что власть идетъ отъ Бога, и—Богу тотъ противится, кто противится власти!

хорунжій.

Ха, ха, ха! Что вамъ натовковали! То ли дѣло наша вольность! Вотъ я: да у меня, гдѣ хорошо, тамъ и отечество, гдѣ мнѣ выгодно, тамъ и слушаю. гдѣ невыгодно карману, да глоткъ—*до брони!*

сусанинъ, *тихо.*

Хорѣшь ты молодецъ!

хорунжій.

Да, да! я родился и самъ не знаю гдѣ, и какой вѣры былъ съ малолѣтства — не помню... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ распоясаться... *(снимаетъ саблю)*. Исходилъ весь бѣлый свѣтъ: въ Римѣ былъ католикомъ, въ Гамбургѣ лютераномъ...

сусанинъ.

А теперь?

хорунжій, *смѣясь.*

Да, чѣмъ хочешь?

сусанинъ.

Ай, да молодецъ! За твое здоровье! А хорошо, право, было, какъ вы сначала-то къ намъ пришли... Не боялись мы тогда бояръ и воеводъ...

хорунжій, *пьетъ.*

Видно, тогда-то у тебя и медокъ завелся!

сусанинъ.

Вѣстимо. Бывало послужишь вамъ, паны добрые, п мнѣ перевалится въ дѣлежь... Не одну службу сослужилъ я панамъ.. Вотъ и теперь... если бы вы захотѣли.

хорунжій.

Говори, говори!

сусанинъ.

Да, оглядывайся, слыхалъ я. Еслибы вы не въ Москву пошли...

Ну, ну!

Хорунжій.

Сусанинъ, *подсаживается к нему ближе.*

Вѣдь я пану-то капитану солгалъ, что въ Костромѣ 5000 войска — тамъ никого нѣтъ!

Хорунжій.

Какъ же ты смѣлъ?

Сусанинъ.

Вотъ еще! Вѣдь тутъ я не одинъ былъ — вы-то что—уйдете, а мнѣ на осинѣ-то висѣть, ни чуть не любо. Еслибы вмѣсто Москвы, да вамъ здѣсь немножко прогуляться—хоть бы въ Домнино...

Хорунжій.

Въ Домнино?

Сусанинъ.

Черезъ лѣсокъ-та здѣсь недалеко, а ужъ есть чѣмъ поживиться — копни въ подвалахъ, да въ кладовыхъ—и ренское найдется, и серебро и золото.

Хорунжій.

И вино есть?

Сусанинъ, *размахивая руками.*

Этакія бочки! Мохоми заросли!

Хорунжій.

Бурр! Охъ! выпилъ бы! Знаешь ли, старикъ?

Сусанинъ.

Что, что, кормилецъ, отецъ родной?

Хорунжій, *тихо.*

Вѣдь мы не въ Москву идемъ!

Сусанинъ.

А куда же?

Хорунжій.

Да, если въ Домнино? А! что? Глаза-то у тебя разбѣжались! ха, ха, ха!

Сусанинъ, *дрожая.*

Разбѣжались, да, да, разбѣжались! А зачѣмъ же, ваша милость?...

Хорунжій.

А тебѣ на что?

Сусанинъ.

Если не скажете, такъ ничего я не узнаю... Ну, у меня ужъ голова что-то кружится... Не прежнее время — бывало ведро выпью, и какъ ни въ чемъ не бывало... *(притворляется въ розжиль).*

Хорунжій.

Э! я бочку Венгерскаго разъ какъ-то выпилъ и ничего себѣ! Давай-ка!

Сусанинъ, *наливая.*

Ну, гдѣ намъ, мужикамъ, за вами, воинами, тлнуться! За здоровье того, кто любить кого! Ну, такъ вы въ Домнино? И мы съ вами!

Хорунжій.

Скажи: тутъ ли теперь молодой помѣщикъ вашъ, Михайл Романовъ?

Сусанинъ.

Хе, хе, хе! А на что тебѣ?

Хорунжій.

Такъ! *(тихо)* Хитеръ, разбойникъ!

Сусанинъ.

И тутъ и нѣтъ! Я не знаю...

Хорунжій.

Такъ вотъ тебя заставитъ говорить пуля...

Сусанинъ.

Ну, полно шутить! Брось свои пистолы... Вѣдь ужъ мы понимаемъ одинъ другаго... Вамъ Михаила Романова надо? А?

Хорунжій.

Его! Говори!

Сусанинъ.

Положи пистолы — не стану говорить... Есть тамъ въ погребу, въ Домнинѣ, какая-то бутылъ съ виномъ, которую Папа Римскій прислалъ царю Ивану Грозному...

Хорунжій.

Ухъ! На, вотъ тебѣ пистолы... только говори!

Сусанинъ.

Михайл въ Домнинѣ—съ нимъ никого нѣтъ—и мать его тутъ — вѣдь васъ здѣсь не ждали.

Хорунжій.

Вивать!

Сусанинъ.

А если милости вашей угодно, мы и провести туда возьмемся — что за работу?

Хорунжій.

Золота, золота!

Сусанинъ.

Проклятое ты золото! много погубило ты совѣстей, много грѣховъ родило ты на бѣломъ свѣтѣ! Ну, а что вы сдѣлаете съ Михайломъ?

хорунжій.

Самъ догадайся!

сусанинъ, *съ ужасомъ.*

Да, еслибы и догадался, такъ языкъ-то не поворотится выговорить...

хорунжій.

Какая же у тебя щекотливая совесть! Такъ я тебѣ скажу: если мы найдемъ Михаила...

сусанинъ.

Ну?

хорунжій.

За голову его общали намъ вѣсомъ золота! ха, ха, ха!

сусанинъ, *вскливая.*

За его голову!.. О сонъ мой вѣщій! Орленокъ сизокрылый! За тобой гонится лютая, хищная птица! Господь Спаситель! помилуй!

хорунжій, *оплякнвшій.*

Что ты испугался? Голову Михаила Романова и вотъ такую грудку золота!

сусанинъ.

Лгутъ всѣ наши головы, пока вы доберетесь до него... Но какъ спасти юношу благороднаго?—Видишь, панъ, оно немножко жутко... Вѣдь кровь-то въ немъ...

хорунжій.

Какъ у пасъ съ тобой!

сусанинъ, *яростно.*

Царская въ немъ кровь, капля которой не оцѣнится сокровищами всего міра — за которую не расплатишься вѣчными адскими муками!.. Панъ! если хочешь — дай волю... Что я говорю?... Вызваться проводить ихъ... а между-тѣмъ послать Собинина... Да, нѣтъ, скажи только ему — не вытерпеть, погубить всѣхъ и его!

ЯВЛЕНІЕ XII.

тѣ же и соломонида.

сусанинъ.

А! Соломонида Пафнутьевна! Ну что ты несешь? Угощай гостя! Да, каково пируютъ тамъ у васъ?...

соломонида.

Хорошо, кормилецъ. Чуть было только не поссорились съ ними твой зятюшка, да тотъ провзжій старикъ... Да ужъ мы умолили!...

сусанинъ.

А мы такъ весело пируемъ!

хорунжій.

Весело!

сусанинъ.

Ужъ и я на старости подгулялъ! Шака и тебѣ медку!

соломонида.

Благодаримъ, кормилецъ!

хорунжій.

Пей, пей, за мое здорovie! Все мое—всѣ вы наши!

соломонида.

Вѣстимо, родимый. У кого палка въ рукахъ, тотъ и господинъ... а мы въ вашихъ рукахъ... всю деревню окружили сторожа ваши...

сусанинъ.

Окружили! (*тихо*) Какъ же выйдти? Какъ дать знать Михаилу? Кого послать?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

тѣ же и томяло.

соломонида.

Если, панъ милостивый, будеть къ намъ такой добрый, что не спалитъ нашихъ хибарушекъ...

сусанинъ.

Да, вотъ если ты споешь и попляшешь передъ паномъ, такъ и помилуетъ!

хорунжій.

Да, да! Пой, пляши, старуха!

соломонида.

Куда мнѣ, батюшка!

хорунжій.

Я велю! Пой!

соломонида.

Сей часъ, сей часъ, родимый! Охъ! голосу-то ужъ нѣтъ!

сусанинъ.

А развѣ забыла ты, сосѣдка, пословицу!

неволя пляшетъ, неволя скачетъ, неволя
пѣсенки поетъ? *(тихо)* Вѣдь онъ пресерди-
тый! Насилу на велику я уговорилъ его!
(Соломонида нагинаетъ разговаривать съ
хорунжимъ, а потомъ поетъ: «Не бѣлы-
то снѣги!»)

сусанинъ, *тихо* Томило.

Тебя Богъ послалъ, родимый!

томило.

Наврядъ! Видѣтъ окаянныхъ, какъ они
буянятъ, какъ ты, на старости лѣтъ, кри-
вишь душой!

сусанинъ, *скоро*.

Знаешь ли, что они идутъ въ Домнино —
убить Михаила Феодоровича Романова и
его мать!

томило, *громко*.

Убить!

хорунжий.

Что тамъ? Кого убить?

сусанинъ.

Пить, говорить онъ! На-ка, старикъ, те-
бѣ! (дастъ ему кружку).

томило, *кружка дрожитъ*
у него въ рукъ.

Погубить его, потомка Анастасіи, сына
Филарета Никитича!

сусанинъ.

Тише! — Ай! Соломонида Пафнутьевна!
мастерица—и я подтяну! *(поетъ)* «Не бѣлы-
то снѣги!» *(Томило)* Ты спасалъ некогда
мать Михаила — Господь велитъ тебѣ спа-
сти еще разъ ее и сына ея — бѣги въ Дом-
нино — скажи, извѣсти—пусть поспѣшатъ въ
Кострому—тебя самъ Богъ благословить!...

томило.

Но деревня окружена: — какъ пройти?

хорунжий.

Что вы тутъ шепчете? А? Что это за че-
ловѣкъ? Что ты не пьешь?

томило.

Пью, пью!

сусанинъ.

Онъ мой сосѣдъ... Что, панъ милостивый!
Если бы ты самъ спѣлъ?

хорунжий.

Я пою воинскія пѣсни, съ трубами.. Ду,
ду, ду! Маршь! Тралала, лала! *(марши-*
руетъ и шатается).

сусанинъ.

Экой удалецъ, панъ! Да, что ты состѣдка,
поешь заунывную? Ну, удалую Русскую!
И панъ попляшетъ... *Жги, у рви, говори!*
(Соломонида пляшетъ заплявая: «По ули-
цѣ молодець идетъ!») Сусанинъ показыва-
етъ видъ, что пляшетъ съ нею. *Хорунжий*
пляшетъ въ присядку).

сусанинъ.

Ай! да, лихо... *(Томило)* Ты пробе-
решься—возми у меня коня съ санями, са-
дись и скачи! — *Ай, жги, говори!*... Панъ
хорунжий! не отставай! *(Томило)* Я между
тѣмъ возьмусь проводить ихъ...

томило, *подозрительно*.

А кромѣ тебя не кому?

сусанинъ.

То-то я боюсь, что ихъ *проведутъ* въ
Домнино — кто за всѣхъ поручится? — Есть
и злые между добрыми, а я поведу ихъ не
въ Домнино, а — въ могилу, въ лѣсъ, гдѣ
они издохнутъ и околѣютъ, пока ты навѣс-
тишь Михаила!...

томило.

Но увидѣвши обманъ, они убьютъ тебя!
сусанинъ, *гордо*.

Такъ ты развѣ одинъ такой на Руси, что
за жизнь потомка Царей не страшился по-
ложить свою голову? Да, и кто знаетъ, за
чѣмъ они ищутъ его смерти? Не *Царя ли*
будущаго хотять погубить они?

томило.

Сусанинъ! человекъ Божій! Я подозрѣ-
валъ тебя, а ты...

сусанинъ.

Появи душу мою, когда мени не бу-
детъ!... Э, панъ! али усталъ...

хорунжий.

Нѣтъ! вотъ я вамъ покажу, какъ у васъ
казаки пляшутъ... то-то умора!

(Пляшетъ казачка.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

тѣ же и капитанъ.

сусанинъ, *увидя его*.

Ну, полно, Соломонида Пафнутьевна,
ступай, отдыхай.

СОЛОМОНИДА.

Охъ, родиный! Потышила я бѣса, согрѣшила, окаянная! (*уходитъ*).

КАПИТАНЪ.

Что это? У васъ веселье? Видно, хозяинъ добрый человекъ!

ХОРУНЖІЙ.

О, пречестный плуть! Славный старпичка!

СУСАНИНЪ.

Много чести!

ХОРУНЖІЙ.

Снѣ согласенъ услужить.

КАПИТАНЪ.

Ты берешься провести насъ въ Домнино? Черезъ лѣсъ, говорилъ ты? А другіе сказываютъ, что тутъ и дороги нѣтъ!

СУСАНИНЪ.

Хе, хе, хе! Сыщемъ дорогу. Вѣстимо, всякій бонтедъ... Лѣсъ, дичь, зима.

КАПИТАНЪ, *смѣясь*.

И лѣшіе водятся?

СУСАНИНЪ, *шутя*.

И ваша милость иногда лѣшаго стоить, для нашего брата, мужика глупаго.

ХОРУНЖІЙ.

Онъ нашего сукна епанча... Я ручаюсь за него! (*садится и дремлетъ*).

КАПИТАНЪ.

А чѣмъ ты увѣришь насъ, что не обманешь?

СУСАНИНЪ.

Да, если дадите задатокъ, такъ—чѣмъ же увѣрить? Васъ будетъ много, а я одинъ — у васъ будутъ пистолы и сабли, а у меня... голыя руки! Такъ вѣдь мнѣ моя голова-то чего нибудь стоить?

КАПИТАНЪ.

Правда. Вотъ условіе: горсть золота за вѣрную службу—пуля за измѣну!

СУСАНИНЪ.

Если серебра дадите, такъ годится на голыя зубы, а вмѣсто одной пули всадите ихъ въ грудь мою десятки — *не измѣню!*

КАПИТАНЪ.

О! да, ты молодецъ! Хорошо; я велю снять караулы — погода утихаеъ, и мы сей часъ ѣдемъ... Приготовься...

СУСАНИНЪ, *глядя на небо*.

Я готовъ!

КАПИТАНЪ.

Г. Хорунжий! вы дремлете? Вставайте!

ХОРУНЖІЙ.

Руби ихъ! Маршъ! Тра ла, ла, ла, ла!

КАПИТАНЪ.

Твое имя?

СУСАНИНЪ.

Иванъ Сусанинъ!

КАПИТАНЪ.

Хорошо. Дождайся же! Я возьму съ собою отборныхъ людей; другіе останутся здѣсь и будутъ дожидаться насъ. (*въ сторону*) Мерзавцы! Надобно ихъ кинуть—перепились пьяныхонки! Но у меня будетъ еще съ полсотни молодыхъ. Довольно! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ХОРУНЖІЙ *спящій*, СУСАНИНЪ и ТОМЛЮ.

СУСАНИНЪ.

Онъ спитъ! (*Томлю*) Ты слышалъ: караулы снимутъ — поспѣши же!

ТОМЛЮ, *падая передъ нимъ на колѣни*.

Братъ и другъ! благослови меня!

СУСАНИНЪ.

Господь, да благословитъ тебя быть благодарникомъ спасенія. Обними меня!

ТОМЛЮ.

Ты идешь испить смертную чашу!

СУСАНИНЪ.

За кого?... Когда и за малѣйшаго изъ ближнихъ нашихъ повелѣно жертвовать жизнью... Но, я еще спасусь, быть можетъ, доживу до ясныхъ дней счастья моего отечества, Руси православной... Не говори мнѣ домашнимъ!... Они испортятъ все дѣло — зять мой ювъ и неукротимъ... Дочь... она меня любитъ!... Охъ! вѣдь и я ее люблю (*утираетъ слезы. Томля молится*). Но Господь ее благословитъ, а добрые люди не оставятъ... (*слышны трубы*).

Томило.

Охъ! родимый! Мы вѣдь и забыли: вѣдь я въ Домнино дорога не знаю!

Сусанинъ.

Ахти! и въ самомъ дѣлѣ!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И ГАВРЮША.

Гаврюша.

Дѣдушка! - Разбойники - то собираются вхаты!

Сусанинъ.

А! лучъ благодати освѣтилъ меня! Вотъ онъ знаетъ — онъ у меня молодець! Рука младенца будетъ руководить тебя! Гаврюша! любишь ли ты меня? Сдѣлаешь ли, что велю?

Гаврюша.

Дѣдушка! что угодно!

Сусанинъ.

Молодець ли ты?

Гаврюша.

Да еще какой!

Сусанинъ.

Дитя мое! побужай же, вотъ съ этимъ старикомъ — хочешь прокатиться?

Гаврюша.

Да, теперь почь!

Сусанинъ.

Въ Домнино. Бояринъ его зоветъ сей часъ, а проводить не кому.

Гаврюша.

А ты куда, дѣдушка?

Сусанинъ, *смуцаясь*.

Я!... Мнѣ что-то нездоровится; замѣни меня — пряниковъ дамъ.

Гаврюша.

И безъ пряниковъ поѣду, коли ты велшь.

Сусанинъ.

Дитя мое! тебѣ позавидуютъ, можетъ быть, потомъ тысячи людей, которые отдали бы жизнь свою, чтобы только быть на твоёмъ мѣстѣ! — Ступайте! Богъ съ вами! *(Томило не можетъ высорить, обнимаетъ его и спѣшитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Хорунжий, *сплцій*, и Сусанинъ.

Сусанинъ.

Благослови ихъ, Господи!... Укрѣпи и меня своєю десницею! Ты, изрекшій, что и камень, его же небрегоша зиждущи, той бысть во главу угла—укрѣни, умудри меня, недосгойнаго!... Хотѣлось бы мнѣ видѣть еще зятя, дочь... ихъ благословить!..

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ И АНТОНИДА.

Сусанинъ.

А! Господь услышалъ молитву мою!

Антонида.

Слава Богу! родимый! Они ѣдутъ — ужъ я едва удержала моего Богдана — такъ и лѣзетъ на ссору съ нимъ... Ахъ! да, вотъ еще!

Сусанинъ.

Оставь его. Онъ пьянъ, подобенъ скоту безчувственному! Дочь моя милая! поди сюда, сюда, въ мои объятія!

Антонида.

Что съ тобой сдѣлалось, родимый?

Сусанинъ, *кладетъ руки на голову*.

Если имъ суждены бѣды и горе — искупи ихъ за мнѣ! Горька чаша смертная — услади се надеждою, Господи, что здѣсь, на землѣ, пошлешь ты имъ благословеніе твое, а тамъ... не отринешь раба твоего!

(за кулисами трубы).

Капитанъ, *за кулисами*.

Сусанинъ! ступай!

Сусанинъ.

Иду!... Дочь моя!... *(уходитъ поспѣшно)*.

Антонида.

Что съ нимъ сдѣлалось? Куда зовутъ его? Богданъ, Богданъ! гдѣ ты? *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Хорунжий, *одинъ*.

Нѣтъ! больше не хочу!... маршь!.. Тра-

ла, ла! Сто Русаковъ на одинъ взмахъ сабельный!.. *(просыпается)* У! какъ я схрапнулъ! И мерещилось, будто и драмса, и рубиль, и пѣль, и плясаль, и — пиль медь! Да, вотъ и кружка. Эй, вы, дрянъ! Эй, кто тамъ? Поди сюда! Разбойники! Кружка пустая! Сюда зарублю всѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ XX.

Хорунжий, Собининъ, Пафнутій и крестьяне.

Пафнутій.

И вѣстимо такъ. Уехали, а эти, разбойники, что остались-то, пьянехоньки!

Собининъ.

Такъ чего же мѣшкать? Перевязать ихъ, перекрутить, злодѣевъ! Отправитъ ихъ къ дѣдушкѣ ихъ—сатанѣ!

Пафнутій.

Оно и дѣло бы, да боимся — ну, если?...

Собининъ.

Чего тутъ думать?

Хорунжий, *вслушиваясь*.

Кой чортъ? Что они говорятъ: уехали! перевязать? Али капитанъ бросилъ насъ? Эге! у меня ужъ и хмѣль изъ головы выскочилъ!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Антонида.

Антонида.

Ахъ! Богданъ, Богданъ! знаешь ли? вѣдь злодѣи-то увезли съ собою родимаго нашего!

Собининъ.

Кто? какъ?

Антонида.

Ахъ! они убьютъ его, убьютъ!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Соломонида.

Соломонида.

Ой, ой, ой! свѣтики мои! горе горькое! головушки мы запобѣдныя!

Собининъ.

Что сдѣлалось?

Соломонида.

Вѣдь прозжій-то нашъ я съ Гаврюшей куда-то пропали!

Антонида.

Отецъ мой! Гдѣ мой родимый!

Соломонида.

Ахъ! ахъ! они собаки! они разбойники! ужъ если бы встрѣтятся—ужъ я бы ихъ!...

Хорунжий.

Ну, плохо приходитъ! какъ бы улизнуть отсюда! *(прыгается за столъ)*.

Собининъ.

Схватить ихъ, визать, бить — спрашивать: куда увели они нашего старика, нашего Гаврюшу! Охъ! Антонида! недоброе что-то было на умѣ у твоего отца! Что онъ тутъ толковалъ съ ними?

Соломонида.

Станешь толковать, какъ тебя за глотку держать!

Собининъ.

Пиль съ ними, гулялъ... когда это бывало?

Соломонида.

Станешь по неволѣ чихать, какъ чемеркой поподчиваютъ! И я тугъ же была... да съ этимъ злодѣемъ хорунжимъ — мужичина, вогъ этакой, усищи съ аршинъ, глаза какъ рѣшеты, руки, что твои грабли, сила такая, что вогъ возьметъ тебя на ладонь, да другой пристукнетъ, такъ только мокренько будетъ.

Собининъ.

О! еслибы онъ мнѣ попался! Счастливъ его Богъ, что онъ ушелъ!

Хорунжий, *тихо*.

О! *санктусъ санктиссима—дѣсь иреекъ—профундись—мизерере, мизерере!*

Собининъ.

Па! да это чья сабля? чья это пистоли? Онъ, видно, здѣсь остался!

КРЕСТЬЯНЕ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

СОЛОМОНИДА.

Стой, православные! Вотъ онъ, злодѣй!
Вотъ онъ! Ахъ! ты разбойникъ! Вылезай-
ка сюда!

ХОРУНЖІЙ, *на кольяхъ.*

Люди добрые! помилосердуйте!

СОЛОМОНИДА.

А! помилосердуйте! Пѣтъ! давеча ты за-
ставилъ меня пѣтъ, такъ попляши-ка теперь
подъ мою дудку! (*тащитъ его*).

СОБИННИНЪ.

Говори: гдѣ вы дѣвали нашего старика?

СОЛОМОНИДА, *схватывая писто-
летъ.*

Говори! вотъ я тебя, разбойника!

ХОРУНЖІЙ.

Матушка! что ты, что ты! не трогай:
вѣдь они заряжены!

СОЛОМОНИДА, *роняетъ писто-
летъ.*

Ай, ай! побери ихъ некошной!

СОБИННИНЪ.

Говори, храбрый воинъ!

ХОРУНЖІЙ.

Все скажу, все скажу, только не погу-
бите! Старикъ вашъ взялся проводить нашъ
отрядъ въ село Домнино...

СОБИННИНЪ.

Въ Домнино? зачѣмъ?

ХОРУНЖІЙ.

Да, такъ...

СОБИННИНЪ, *беретъ саблю
его.*

Ты не хочешь сказать?

ХОРУНЖІЙ.

Ай, ай! скажу, скажу! Намъ вѣдно,
живаго, или мертваго, достать боярина
вашего, Михаила Романова.

ВСѢ.

Нашего боярина!

ХОРУНЖІЙ.

И старикъ взялся провести насъ околь-
ною дорогою, черезъ лѣсъ...

СОБИННИНЪ.

Лжешь ты, окаянный! Чтобы Сусанинъ
на старости продалъ свою душу...

ХОРУНЖІЙ.

Ей такъ!

ПАФУТІЙ.

Стойте, братцы! Чуть ли не правда!

АНТОНИДА.

Чтобы мой отецъ...

ПАФУТІЙ.

Вы говорили, что провѣзжій, Томило Та-
рутинъ и вашъ Гаврюша пропали? а вѣдь
я ихъ видѣлъ: они вмѣстѣ отравились; я
еще и спросилъ: «куда это вы?» а Гаврю-
ша-то мнѣ сказалъ: «Дѣдушка велѣлъ мнѣ
проводить нашего гостя въ Домнино.» —
Они и поѣхали по большой дорогѣ... по-
гибли въ хвостъ и въ голову...

СОЛОМОНИДА.

Такъ что же ты не говорилъ?

ПАФУТІЙ.

До того мнѣ было! Только теперь и
вспомнилъ! А вѣдь ихъ-то онъ взялся про-
водить черезъ лѣсъ, а вы знаете: тутъ и
дороги нѣтъ! Такъ онъ заведетъ ихъ въ тру-
щобу, пока Томило подастъ вѣсть...

СОБИННИНЪ.

Старецъ благородный. Такъ, такъ, ясно!
Но они убьютъ его, погубятъ!...

АНТОНИДА.

Ахъ! Богданъ! Мой отецъ!

СОБИННИНЪ.

Братья? ужели выдадимъ старика? Пой-
демъ—перевяжемъ, перекрутимъ пьяныхъ
бездѣльниковъ, и съ ихъ оружіемъ поспѣ-
шимъ за ними — исхитимъ его! Дадимъ
вѣсть въ Кострому!

ВСѢ.

Пойдемъ, пойдемъ!

СОБИННИНЪ.

Берите его!

ХОРУНЖІЙ.

Милосердіе!

СОЛОМОНИДА.

Оставьте его намъ — я съ нимъ управ-
люсь! Я съ бабами скручу его!

АНТОНИДА.

Богданъ! к уда ты?

СОБИННИНЪ.

Неужели тебя не дорога жизнь отца?

(*Антонида бросается къ нему въ объятія
со слезами*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дремучій лѣсъ. Вдали, сквозь туманы утра едва видны золотыя главы Костромскія. Впередѣ сидятъ Польскіе воины и грѣются около огня. Сусанинъ средѣ нихъ, и видно, что онъ съ жаромъ говоритъ съ ними. Капитанъ сидитъ въ сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАПИТАНЪ, СУСАНИНЪ И ВОИНЫ.

КАПИТАНЪ.

Онъ такъ спокойно и откровенно говоритъ съ ними. Не можетъ быть, чтобы онъ измѣнялъ! Да, и какъ ему измѣнять, если онъ въ нашихъ рукахъ? При первомъ подозрѣніи — онъ будетъ уничтоженъ! Нѣтъ — жизнь каждому дороже всего. Онъ точно заблудился: и самъ не знаетъ куда пошелъ... Но какая досада! Не будь такая гадкая погода, мы давно были бы на мѣстѣ и награда была бы моя! Проклятые лѣса! По неволѣ повѣришь, что въ нихъ живутъ бѣсы, да лѣшіе...

СУСАНИНЪ, *разговаривая.*

Нѣтъ! я вамъ скажу, люди добрые, такъ, вотъ были чудеса, какъ мой кумъ Мирошка ѣхалъ черезъ этотъ лѣсъ. Былъ онъ, знаете, что называется, по Русски, самъ другъ, то есть, на-вселя. Вотъ, пировалъ тутъ, у сосѣда, въ деревнѣ Филькиной; посядѣли, попили, побѣдалъ нашъ Мирошка, вѣхалъ онъ въ лѣсъ — ѣдетъ, ѣдетъ... все лѣсъ, да лѣсъ! Ёдетъ, ёдетъ опять... лѣсъ, да лѣсъ! Что? аль холодно? Эхъ, паны! еще молодцы такіе, а съ Русскимъ морозомъ справиться не можете! Да выпейте — согрѣтесъ! Вы съ собой таки позахватили дорожнаго веселья... (*въ сторону*) Пейте, ны жадны! Тѣмъ скорѣе замерзнете!

КАПИТАНЪ.

Эй! старикъ!

СУСАНИНЪ, *униженно.*

Что, батюшка, панъ ротмистръ, что прикажете?

КАПИТАНЪ.

Ну! не пора ли намъ въ путь? Разглядѣлъ ли ты дорогу?

СУСАНИНЪ.

Кажись, разглядѣлъ. Видишь, все такая мятель была — зги было не видать, а вотъ теперь... (*въ сторону*) Тутъ прямо дорога въ городъ — я повожу васъ еще по лѣсу, а какъ разсвѣтнетъ, руками сдамъ васъ Костромскому воеводѣ, окаянныхъ...

КАПИТАНЪ.

Слушай старикъ: если ты меня обманываешь — помни уговоръ: я осыплю тебя золотомъ, не только серебромъ.

СУСАНИНЪ, *тихо.*

Изъ грабленнаго!

КАПИТАНЪ.

Раздѣлю съ тобой награду.

СУСАНИНЪ, *тихо.*

За кровь!

КАПИТАНЪ.

Но если ты измѣнишь — пуля въ пистолетъ моя не примерзла.

СУСАНИНЪ.

Эхъ! панъ! Что ты все такъ шероховато баешь: измѣнишь, измѣнишь! Вотъ то-то, видно не съ молитвой ты въ дорогу пустился, такъ и вышла бѣда!

КАПИТАНЪ, *смѣясь.*

А надобно было молиться?

СУСАНИНЪ.

Да, надобно, принимаясь за всякое дѣло, прежде помолиться, такъ и благословить Богъ успѣхомъ. Вѣдь и самая жизнь — то человѣческая... Кто знаетъ смертный часъ? Горе тому, кто не готовъ къ нему каждую минуту!

КАПИТАНЪ, *содрогаясь.*

Что ты бредишь!

сусанинь.

Ахги! что я и въ-самомъ-дѣлѣ... Богъ вѣдаетъ, надобно ли было намъ съ тобой молиться, когда мы пускались сюда въ дорогу... Согрѣшилъ и я, окаанный, попутало меня твое обѣщанье... Да ужь такъ и быть! Авось послѣ отмолюсь...

капитанъ.

Ну! далеко ли еще въ Домнипо?

сусанинь.

Должно быть оно вотъ тутъ. Отъ этой сосны—вонъ, что тамъ, кажется, его ужь и видно... Хватили мы верстѣ пятокъ лишнихъ... Право, тутъ было не даровое...

капитанъ.

Ну, вотъ и свѣтаеть! Не встрѣтятся бы намъ съ Русскими?

сусанинь.

А откуда она возмутся? Нѣтъ! теперь и собаки изъ дому не выгоняшь...

капитанъ, *воинамъ.*

Эй! вставай! Въ путь!

(воины поднимаются.)

капитанъ.

Не отставать! Ну! живѣе!

сусанинь.

Пойдемъ-те, добрые пацы! Вотъ ужь кажется и солнышко скоро взойдетъ надъ лѣсами. Теперь... Ахги! Да я и не распозналъ... это три сосны... Ну, панъ! поздравляю: мы черезъ полчаса въ Домнипо—теперь я все рассмотрѣлъ. Что мнѣ глаза-то заслѣпляло до сихъ поръ! Эка ты пригча—пойдемъ-те!

(всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Сцена пуста. Слышны голоса, которые перекликаются. Потомъ выходятъ одинъ за другимъ, собининъ, пафнутій и крестьяне. Свѣтаеть.)

сабининъ.

Слѣдъ сюда велъ. Ба! что это? Да вотъ тутъ и огонь былъ разведенъ! Они вѣрио были здѣсь! Этакъ они плутали по лѣсу! Онъ ихъ обвелъ круговиной на Костром-

скую дорогу. Они должны быть недалеко. Боюсь подать голосъ.

пафнутій.

Ау!

собининъ, *откликаясь.*

Ау!

пафнутій.

Ты здѣсь, Богданушка? Что? Видно не сыскать намъ злодѣевъ нашихъ? Слѣды заметало вьюгою... Что-то нашъ старикъ Сусанинъ! Живъ ли то онъ? Не уходили ль они его, окаанные! Охъ! только добратъся бы намъ до нихъ.

собининъ.

Видишь: они были здѣсь. Вотъ еще и дрова курятся!

пафнутій.

Да, да, такъ, сосѣдушка! Кому быть кромъ нихъ? Скликать же ребятъ-то нашихъ—нашли слѣдъ волчій! Авось удасться еще исхитить изъ рукъ нечестивыхъ нашего старика.. Что ты задумался?

собининъ.

Да, такъ—и самъ ума не приложу! Пустились мы съ горяча, а какъ теперь развелу думой, такъ и умъ за разумъ заходить!

пафнутій.

А что такое?

собининъ.

Смѣлости-то у насъ на нихъ достанетъ, но какъ намъ облавить ихъ, такъ, чтобы не погубить моего родимаго?

пафнутій.

Да! какъ бы не погубить!

собининъ.

Самъ Богъ велъ насъ здѣсь по свѣжнымъ пустынямъ. Мы терли и опять находили слѣды—вотъ они гдѣ нибудь близко; вьюга утихла, слѣдъ свѣжъ... Надобно окружить ихъ въ расплохъ... Пойдемъ! Помоги намъ, Господи! Теперь свѣтло...

(они скрываются въ лѣсу.)

ЯВЛЕНІЕ III.

КАПИТАНЪ, СУСАНИНЪ и воины, *выходятъ съ противной стороны.*

КАПИТАНЪ.

Что это такое? Мы, кажется, опять на томъ же мѣстѣ, откуда пошли...

СУСАНИНЪ, *въ сторону.*

Или мнѣ послышалось: казалось, будто въ лѣсу аукались Русскіе, знакомые голоса!

КАПИТАНЪ.

Слушай, старикъ!

СУСАНИНЪ.

Что, панъ милостивый?

КАПИТАНЪ.

Панъ милостивый! Ты либо одурѣлъ, либо мошенничаешь!

СУСАНИНЪ.

Избави, Господи, перваго, а втораго-то, кажись, нѣтъ!

КАПИТАНЪ.

Я слышалъ голоса въ лѣсу!

СУСАНИНЪ.

Хе, хе, хе! Видно тебѣ послышалось — не откликайся на такую голосъ: какъ-разъ заведетъ тебя въ такую трущобу, что и косточекъ твоихъ не слышать вѣдьма въ-ковъ!

КАПИТАНЪ.

Что ты болтаешь? Старая ты собака! оглянись-ко: вѣдь ты опять привелъ насъ на прежнее мѣсто...

СУСАНИНЪ.

Ну, видно, ему, блажному, сегодня кутить быда сильная охота, а кажись, не святочные ночи! Вѣдь п въ самомъ дѣлѣ... мы опять туда же пришли.

КАПИТАНЪ.

Говори: что теперь дѣлать?

СУСАНИНЪ.

Что дѣлать?

ПАФУТІЙ, *за кулисами.*

Ау! Богданъ!

СУСАНИНЪ.

Голосъ православныхъ!

САБИНИНЪ, *за кулисами.*

Ау! Пафутій!

КАПИТАНЪ.

Это Русскіе!

СУСАНИНЪ, *улыхаясь.*

Чуть ли не такъ, панъ милостивый! Теперь ужъ видно осталось подождать ихъ, да спросить у нихъ о дорогѣ.

КАПИТАНЪ.

Какъ? Да, ты говорилъ, что тутъ не далеко до Домнина?

СУСАНИНЪ.

Мало ли что говорится! До Домнина отсюда близко, а еще ближе къ Костромѣ — вотъ тутъ направо такая прямая дорога. Пойдсмъ-ка лучше туда! Вѣдь на русскомъ морозѣ долго ли — околѣешь, какъ собака!

КАПИТАНЪ.

Какъ, бездѣльникъ?

СОБИНИНЪ и ПАФУТІЙ.

Ау! ау!

СУСАНИНЪ, *вдругъ громко откликается.*

Сюда, ребята! здѣсь! Ау!

ВОИНЫ, *выхватывая сабли.*

Измѣна! Измѣна!

КАПИТАНЪ, *невольна пугаясь.*

Онъ казался такимъ смиреннымъ — еле шевелился, а какъ теперь онъ ожилъ! Проклятый старичишка!

СУСАНИНЪ.

Ожилъ — да согрѣла меня радостная вѣсть, что близко родные, православные, что они выведутъ насъ на дорогу и доведутъ насъ къ Костромскому воеводѣ!

КАПИТАНЪ.

Измѣнникъ!... Но какъ, куда идти? Ты обманулъ насъ!

СУСАНИНЪ, *забываясь.*

Сами вы себя обманули, когда подумали, чтобы я, Русскій, повелъ васъ въ гнѣздо голубя невиннаго, предалъ вамъ отрасль царскую...

КАПИТАНЪ.

Осмотреть pistols! Смерть изменнику!

СУСАНИНЪ.

Мнѣ? пожалуй! Да рассуди, что тебѣ то будетъ прибыль? Какъ ты самъ-то отсюда уйдешь? Вы окружены! *(за кулисами слышны голоса)* Слышишь!

КАПИТАНЪ.

Не пускайте его: голова его спасенье наше!

СУСАНИНЪ, смѣло.

Не спасетъ она васъ — пожалуй возьмиее! Она сослужила свою службу, а старымъ костямъ моимъ давно пора на покой!

КАПИТАНЪ, съ яростію.

Рубите его!

(Воины устремляются на Сусанина. Онъ схватываетъ огромную дубину и воины отступаютъ отъ ея взмаха).

СУСАНИНЪ.

А! не разучилась еще стариковская рука моя бить сопостатовъ! *(громко)* Ау! сюда, сюда! они здѣсь!

КАПИТАНЪ.

Гибни, злодѣй! *(выхватываетъ пистолетъ и направляетъ въ Сусанина; пистолетъ ослѣпаетъ).*

СУСАНИНЪ, презрительно.

Что? видно пуля примерзла?

КАПИТАНЪ.

Бейте его!

(воины устремляются).

СУСАНИНЪ.

Достало бы еще у меня силы управиться съ твоими выморозками и уложить изъ нихъ полдесятка... *(бросаетъ дубину)* Не замараю честнаго подвига нечистою ихъ кровью! Достанетъ ли у тебя силы убить безоружнаго? Умертвите меня!

(встъ въ изумленіи).

Что стали? Такъ знайте же, что ужъ давно послалъ я въ Домнино вѣсть и Михаилъ Феодоровичъ Романовъ теперь ужъ въ Костромя — спасень отъ вашихъ рукъ! *(слышенъ отдаленный благовѣстѣ)* Слышишь! *(съ восторгомъ)* Вотъ она, вѣсть его спасенія, которую даетъ намъ церковь православная... что стало со мною?... Сонъ мой вѣщій!... уцѣлѣлъ, ты, орелъ мой юный!... Тебя ли я вижу, Михаилъ? Ты въ вѣнцѣ врандительскомъ—окрестъ тебя тысяча—попраны враги—синклить встречаетъ тебя!... Туда, туда, во срѣтенье ему! Михаилъ спасень вѣрнымъ рабомъ его! *(слышитъ направо).*

КАПИТАНЪ.

Держите его! Стрѣляй! Не пускай его! *(Воины устремляются за Сусаниномъ, слышны выстрѣлы и голосъ Сусанина.)*

СУСАНИНЪ, за кулисами.

Михаилъ спасень!

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАПИТАНЪ, одинъ.

Проклятый измѣнникъ!... Ахъ!... измѣнникъ ли онъ? Сабля рыцарская! достоинъ ли я носить тебя! Зачѣмъ я умертвилъ его? Спасти, спасти его!

ВОИНЫ, бѣгутъ.

Русскіе! Русскіе!

КАПИТАНЪ.

Стоять!

(слышны голоса съ правой стороны).

Бѣгите туда!

(голоса съ лѣвой стороны).

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣ же и сабининъ съ крестьянами, выходятъ стремительно съ правой стороны.

САБИНИНЪ.

Бейте кровопійцу! *(стрѣляетъ въ капитана).*

КАПИТАНЪ, падая.

Смерть!

(воины его защищаются; выстрѣлы).

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ же, воевода, томило и воины.

ВОЕВОДА.

Сюда, сюда! сдайтесь! Сопротивленіе бесполезно!

(Польскіе воины бѣгутъ; нѣкоторые схватываютъ и безоруживаютъ).

САБИНИНЪ.

Но гдѣ онъ? Гдѣ отецъ мой! Я слышалъ его голосъ!

ВОЕВОДА.

Друзья мои! Гдѣ Сусанинъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ П ПАФНУТІЙ, *вбѣгая.*

ПАФНУТІЙ.

Помогите, помогите! Вонъ онъ, Сусанинъ — онъ тамъ!

(бѣгутъ на лѣво.)

ВОЕВОДА.

Господи! не ужели онъ погибъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И СУСАНИНЪ, *его несутъ беззвѣстнаго.*

СОБИНИНЪ.

Умеръ! Скопчался!

ВОЕВОДА.

Злодѣи! Осмотрѣть раны его — перевязать!

СУСАНИНЪ, *приходитъ съ чувствомъ, видитъ Томило и приподымается.*

Спасенъ ли онъ?

ТОМИЛО.

Спасенъ, спасенъ! Мы предувѣдомили его и онъ укрылся въ обителѣ Ипатьевской!

ВОЕВОДА.

Знаешь ли, кого ты спасъ?

СУСАНИНЪ.

Моего милостиваго боярина, Михаила Феодоровича Романова.

ВОЕВОДА.

Царя Россіи — прародителя будущихъ Государей Русскихъ!

СУСАНИНЪ.

Царя Россіи?

ВОЕВОДА.

Онъ избранъ на царство. Великое посольство Московское встрѣтило его въ келліи монастыря и возвѣстало ему объ единодушномъ избраніи его на престолъ!

(Сусанинъ безмолвно складываетъ руки и смотритъ на небо).

ВОЕВОДА.

Меня послалъ отыскивать отрядъ злодѣевъ, съ которымъ ты пошелъ. — Награда царская ждетъ тебя!

СУСАНИНЪ, *указывая на грудь.*

Вотъ она, награда моя — кровь, которая льется за моего Царя, а тамъ — *(указывая на небо)* можетъ быть, помилуетъ Господь меня, грѣшнаго, и удостоитъ сопричестъ къ лику праведныхъ!

ВОЕВОДА.

Ты будешь живъ!

СУСАНИНЪ.

Въ памяти благословенныхъ потомковъ! Да, на Руси память добра долговѣчна. Донеси Царю Государю, что я благословлялъ его умная — пусть не оставитъ онъ дѣтей моихъ! Православные! простите!..

(умираетъ).

ВОЕВОДА.

Вѣчная память тебѣ, страдалецъ.

всѣ, благоговѣнно подымлютъ руки и глаза къ небу.

Вѣчная память!

(Собининъ со слезами цѣлуетъ руку Сусанина. Томило плачетъ надъ нимъ).